



www.volsu.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.6>

UDC 811.111'42
LBC 81.432.1

Submitted: 22.11.2019
Accepted: 28.02.2020

READER, I MARRIED HIM, OR THE MECHANISM OF ATTENTIONAL CONVERGENCE IN THE ENGLISH-LANGUAGE NARRATIVE

Zinaida M. Chemodurova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The current paper investigates the mechanism of attentional convergence viewed as a type of formal text organization which is based on the convergent potential of several types of foregrounding and is used by writers to stimulate cognitive activities of their readers. The article offers the analysis of the “attentional effects” produced by the combinatorial use of the false expectancy mechanism, coupling, convergence of stylistic devices, salient textual positions of the ultimate narrative beginning and ending, intertextual markers. The hypothesis formulated in the article suggests that the effect of the attentional convergence might be responsible for causing cognitive dissonance as an inherent component of the interpretational programmes modern writers devise for their readers. The article describes the effect caused by the attentional convergence on the readers of short stories created by renowned English-Language female authors, such as J. Briscoe, T. Chevalier, E. Freud, T. Hadley, S. Hill, S. Vickers, to name just a few of the 21 writers, who contributed to the collection entitled “Reader, I Married Him” inspired by “Jane Eyre” and Charlotte Bronte’s bicentenary. The analysis carried out in the article focuses on the linguocultural features of gender constructing, undertaken in these modern stories and reflecting diverse attitudes of modern female authors to the issues of gender stereotypes, gender roles, gender motivated patterns of behaviour. The findings presented in the article prove the relevance of a further investigation of various attention focusing mechanisms enhancing the expressiveness of the literary texts and increasing their pragmatic effect on readers.

Key words: type of foregrounding, attention focusing mechanism, attentional convergence, convergent potential, narrative, gender configuration, gender stereotype.

Citation. Chemodurova Z.M. Reader, I Married Him, or the Mechanism of Attentional Convergence in the English-Language Narrative. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 66-77. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.6>

УДК 811.111'42
ББК 81.432.1

Дата поступления статьи: 22.11.2019
Дата принятия статьи: 28.02.2020

READER, I MARRIED HIM, ИЛИ МЕХАНИЗМ АТТЕНЦИОНАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Зинаида Марковна Чемодурова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

© Чемодурова З.М., 2020

Аннотация. Цель проведенного исследования заключается в описании аттенциональной конвергенции, определяемой в статье как способ формальной организации повествования, использующий конвергентный потенциал сразу нескольких механизмов фокусирования внимания для интенсификации когнитивной активности читателей. Охарактеризованы «аттенциональные эффекты», связанные с комбинаторным использованием таких типов выдвигания, как сильная позиция текста, эффект обманутого ожидания, сцепление, интекст. Доказана значимость аттенциональной конвергенции в создании когнитивного диссонанса как неотъемлемой составляющей интерпретационной программы современного художественного текста. Действие механизма аттенциональной конвергенции раскрыто на примере произведений современных англоязычных авторов-женщин посредством конструирования гендерной идентичности персонажей. Материалом исследования послужили рассказы Дж. Брискоу, Т. Шевалье, Э. Фрейд, Т. Хедли, С. Хилл, С. Викерс и др., опубликованные в сборнике «*Reader, I Married Him*», вышедшем в 2017 г. и посвященном 200-летию со дня рождения Шарлотты Бронте. Установлено, что все анализируемые в статье рассказы интертекстуально соотносятся с романом «Джейн Эйр» и предлагают современный взгляд авторов-женщин на проблемы гендерных стереотипов, гендерных ролей и гендерно обусловленного поведения, выражаемый в том числе посредством аттенциональной конвергенции. Результаты проведенного исследования доказывают актуальность дальнейшего изучения механизмов фокусирования / дефокусирования, а также создания множественных фокусов внимания, способствующих повышению экспрессивности повествования, выражению авторской модальности и усилению прагматического воздействия на читателей.

Ключевые слова: тип выдвигания, механизм фокусирования внимания, аттенциональная конвергенция, конвергентный потенциал, повествование, конфигурация гендера, гендерный стереотип.

Цитирование. Чемодурова З. М. *Reader, I Married Him*, или Механизм аттенциональной конвергенции в англоязычном повествовании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 66–77. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.6>

Введение

Как указывают многие исследователи, фраза *Reader, I married him*, открывающая последнюю главу романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», является едва ли не самой узнаваемой из этого романа, ярким примером «формульного языка», представляющим собой образец «stylistic intertextual knowledge» («стилистического интертекстуального знания») [Panagiotidou, 2012, p. 203]. Прецедентный характер этой фразы подтверждается в наши дни, как показано в статье К. Фаллон, ее широким использованием в объявлениях о помолвках в Фейсбуке, тиражированием в дизайне писчей бумаги и бесконечным цитированием в свадебных блогах [Fallon, 2016]. Одной из причин такой популярности этого высказывания Джейн Эйр, произнесенного с обманчивым спокойствием, является его безусловно триумфальный характер, свидетельствующий о счастливом завершении романтической эпопеи бедной гувернантки, влюбившейся в аристократа. По мнению Моники Кауп, одной из представительниц современной гинокритики, любовный роман XIX в. «заканчивается» для женщин или свадьбой, или смертью, что неизбежно прочитывалось тог-

да либо как успех героини, либо как ее провал (цит. по: [Allen, 2006, p. 150]). Успех Джейн Эйр связан скорее не с ее «безынициативностью, неуверенностью в себе, ориентацией на компромисс, чувствительностью, мягкостью» и другими типичными чертами, характеризующими «женственность» как одну из составляющих бинарной оппозиции «маскулинность / фемининность» [Серова, 2010, с. 125] и свойственными многим героиням Викторианской литературы, а с такими чертами ее образа, как решительность, сила воли, независимость, свободолюбие. Шарлотта Бронте, используя в сильной позиции завершения романа прямое обращение к читателю, на мгновение как бы сбрасывает маску перволичностного диегетического повествователя и обнажает игру в вымысел, свойственную любому художественному тексту, при этом мастерски фокусируя внимание читателей на выборе своей героини. Именно использование личного местоимения «Я» в позиции агенса пропозиции «женитьба» превращает героиню романа в «новую» героиню и делает само произведение «proto-feminist work» («протофеминистским романом») [Stockwell, 2013, p. 272].

В 2016 г., спустя двести лет после рождения Шарлотты Бронте, добившейся призна-

ния в патриархальном литературном мире и создавшей запоминающийся образ свободолюбивой бунтарки Джейн, яростно воскликнувшей: *I am no bird; and no net ensnares me. I am a free human being with an independent will, which I now exert to leave you* (JE, p. 315), несколько известных современных авторов-женщин создали рассказы, вдохновленные романом «Джейн Эйр» и вошедшие в сборник «Reader, I Married Him» (2017). Джоанна Брискоу, Трейси Шевалье, Эстер Фрейд, Тесса Хедли, Сьюзан Хилл, Салли Викерс и др. предлагают читателям XXI в. свой взгляд на любовь, брак, взаимоотношение полов, отдавая в своих рассказах дань творческому наследию Шарлотты Бронте и фокусируя внимание адресатов на своем видении проблем гендерных ролей, стереотипов и темы гендерной идентичности.

Цель данной статьи состоит в описании механизма аттенциональной конвергенции, способствующего такой формальной организации художественного текста, при которой в фокусе внимания современных читателей оказывается тема конструирования женской идентичности, представленной в динамическом аспекте как культурно и исторически обусловленный феномен.

Методология исследования

Изучение разнообразных приемов выдвижения, обладающих так называемым «конвергентным потенциалом» [Богоявленская, Чудинов, 2014, с. 26] и способствующих привлечению внимания читателей к проблеме гендерного конструирования образа персонажа, является сегодня интенсивно разрабатываемой областью исследований в лингвистике текста, когнитивной стилистике и нарратологии. На данный момент можно выделить целый ряд работ, посвященных отражению в художественном тексте гендерной тематики (см., например: [Афанасьев, 2019; Воробьева, 2015; Семенец, 2019; Серова, 2010] и др.). Междисциплинарный аспект предпринятого в статье исследования обусловлен комплексным характером явления аттенционального фокусирования, о котором речь пойдет далее и которое по-прежнему привлекает внимание широкого круга исследователей (см., напри-

мер: [Богоявленская, Чудинов, 2014; Ирисханова, 2014; Устинова, 2015; Чемодурова, 2019б; и др.]; выбор в качестве эмпирического материала художественных текстов, интертекстуально соотнесенных с прецедентным текстом Ш. Бронте, неминуемо влечет за собой обращение к теории интертекстуальности (см., например, обзор работ в: [Panagiotidou, 2012]).

Задачами данной статьи, таким образом, являются: 1) рассмотрение феномена аттенциональной конвергенции как одного из механизмов прагматического фокусирования, способствующего активизации когнитивной деятельности читателей, и 2) анализ использования данного механизма для конструирования гендерной идентичности в современном повествовании. В качестве основных в исследовании применяются методы контекстуального, интертекстуального, лингвокультурологического анализа.

Термин «конвергенция стилистических приемов» впервые был употреблен М. Риффатерром. В своей работе «Критерии стилистического анализа» он определяет стилистический контекст как лингвистическую структуру, в которой употребляется элемент низкой предсказуемости [Riffaterre, 1959, p. 171] и описывает случаи так называемых «стилистических кластеров», в частности такой кластер, как скопление (accumulation) в некоей точке текста нескольких стилистических приемов, которые по отдельности могут быть весьма экспрессивными, а сходясь вместе оказывают особенно сильное воздействие на читателя [Riffaterre, 1959, p. 172].

Теория выдвижения активно разрабатывается с начала XX в. в стилистике и поэтике и связана прежде всего с исследованиями Русской школы формалистов, которые ввели понятия остранения и деавтоматизации внимания [Шкловский, 1990], а также Пражского лингвистического кружка, члены которого развивали теорию формалистов и описывали явление «aktualisace», или foregrounding (перевод чешского термина на английский Пола Гарвина) [Havranek, 1964, p. 84; Mukarovsky, 1964, p. 19]. Одной из актуальных задач дальнейшей разработки теории выдвижения, безусловно, стало уточнение и расширение репертуара описываемых механизмов фокусирования внимания. Одним из основных видов выдвижения тради-

ционно считается конвергенция стилистических приемов (см.: [Арнольд, 1999, с. 205]), выполняющая разнообразные текстовые функции, среди которых наиболее значимую роль играют экспрессивная и эмотивная. И.В. Арнольд выделяет еще ряд механизмов выдвижения, в частности, сильную текстовую позицию, обманутое ожидание, сцепление, интертекстуальное включение [Арнольд, 1999, с. 368].

Необходимо отметить, что до сих пор в силу целого ряда причин так и не была создана единая классификация механизмов (или видов) выдвижения. Причинами отсутствия обобщающего описания этого феномена можно считать его сложный характер, а также то, что выдвижение часто рассматривается с разных исследовательских позиций. Во-первых, оно трактуется как совокупность приемов, способствующих увеличению выделенности, или салиентности, определенного текстового фрагмента. Так, исследователи считают, что выдвижение охватывает широкий спектр стилистических эффектов на разных языковых уровнях: фонетическом (аллитерации и ассонанс), синтаксическом (параллельные конструкции, инверсии и др.), риторическом (метафоры, олицетворение) [Miall, Kuiken, 1994, p. 391]. Под выдвижением понимается, таким образом, использование приемов и техник, способствующее привлечению внимания к языку как таковому [Cuddon, 1998, p. 325], совокупность салиентных лингвистических феноменов, способствующих смещению фокуса читательского внимания с того, о чем говорится, на то, как это говорится [Childs, Fowler, 2006, p. 102].

Рассмотрение выдвижения с других исследовательских позиций (в частности, в когнитивной психологии) ведет к его трактовке как совокупности нестабильных и неустойчивых проявлений нейрокогнитивных процессов, лежащих в основе и творческого акта, и восприятия текста (подразумевается эмотивное и когнитивное воздействие на читателя) [Gambino, Pulvirenti, 2019, p. 192].

Подход к феномену выдвижения как сложному когнитивному процессу, способствующему дискурсивному взаимодействию участников литературной коммуникации, предполагает также и учет значимости «языковых форм, выдвигаемых на передний план и выступающих в качестве поискового сти-

мула, или “ключа” в процессах языковой обработки информации» [Лузина, 1996, с. 21]. Как отмечает Л. Талми, «в рамках коммуникативной ситуации слушающий может обратить свое внимание на языковое выражение, созданное говорящим, на концептуальное содержание, представленное в этом выражении, и на сопутствующий контекст. Не все из перечисленного выше в одинаковой степени появляется в центре внимания слушающего. Напротив, различные части или аспекты выражения, его содержания и контекста обладают разной степенью выделенности (salience)» [Талми, 2006, с. 23]. При этом, в отличие от нормативной коммуникативной ситуации, описываемой Л. Талми, художественная коммуникация, или лингвокреативный дискурс, характеризуется «сгущением неоднозначности», интерпретативной множественностью [Устинова, 2015, с. 164], представляющей собой неотъемлемую часть интерпретационной программы художественного текста. Можно предположить, что система средств прагматического фокусирования, включающая различные сигналы адресованности, обуславливает выдвижение на передний план языковых форм, неминуемо вызывающих у современных читателей состояние когнитивного диссонанса. Как известно, эффект когнитивного диссонанса связан с моделируемыми противоречиями в системе когнитивных индивидуума [Фестингер, 1999], что в применении к восприятию читателями художественного текста предполагает такое перераспределение внимания, когда в фокусе оказывается некое нарушение привычных концептуальных связей, создающее диссонантную ситуацию [Чемодурова, 2019а].

Результаты и обсуждение

Гипотеза, лежащая в основе данного исследования, состоит в том, что в художественном тексте отдельные фрагменты получают особую салиентность благодаря использованию механизма аттенциональной конвергенции. Под «аттенциональной конвергенцией» нами понимается сочетание различных видов выдвижения, обладающих конвергентным потенциалом и усиливающих когнитивную активность читателей, обусловленную возникающим эффектом когнитивного диссонанса.

«Стремление различных разноуровневых языковых средств к взаимодействию в дискурсе» [Богоявленская, Чудинов, 2014, с. 26] предполагает, в случае аттенциональной конвергенции, моделирование таких «фокусных точек» текста, которые инициируют «специфическую когнитивную переработку привычных ассоциативных связей в сознании воспринимательной произведение искусства стороны и приводят к возникновению нового концептуального содержания за счет разрушения конвенциональных ассоциаций» [Устинова, 2015, с. 164].

Поскольку в качестве материала данного исследования избраны рассказы современных авторов-женщин, для которых роман «Джейн Эйр» является прецедентным текстом, то одним из типов выдвижения в работе признается интекст и разнообразные интертекстуальные маркеры, включая и практически «формульную» фразу *Reader, I married him*, представляющие собой сигналы интерпретационной программы, обладающие «когнитивной салиентностью» (термин О.К. Ирисхановой [2014, с. 29]). Игровое использование интекста, отсылающего читателей к «Джейн Эйр» и часто трансформируемого в современных текстах для создания «аттенционального эффекта» и провоцирования когнитивного диссонанса, рассматривается нами как один из способов прагматического фокусирования, сочетающийся с другими механизмами выдвижения и создающий эффект аттенциональной конвергенции.

Конвергентный потенциал различных механизмов выдвижения. Анализ комбинаторного использования различных типов выдвижения для усиления аттенционального эффекта следует начать с рассмотрения сильных позиций текста, к которым традиционно относят заглавие, эпиграф, начало и концовку художественного текста.

В трех из 21-го рассказа сборника заглавия сразу предлагают читателям интертекстуальную игру, основывающуюся на их интертекстуальной компетенции: С. Хилл использует точную цитату из романа Ш. Бронте – «*Reader, I Married Him*», С. Викерс трансформирует данную фразу, называя рассказ «*Reader, She Married Me*» и смещая тем самым фокус повествования с героини на ее

избранника, Х. Данмор использует в заглавии рассказа «*Grace Poole Her Testimony*» аллюзивный антропоним *Grace Poole*, выступающий в качестве первого текстового сигнала, активирующего интертекстуальный фрейм (об этом см., например: [Panagiotidou, 2012]) – в данном случае наблюдается некая «игра фокуса» [Ирисханова, 2014], задействующая когнитивный механизм профилирования, поскольку заглавие обещает нам официальное свидетельство персонажа, бывшего на второстепенных ролях в классическом романе.

Первый же абзац рассказа Х. Данмор, находящийся в сильной позиции, создает дополнительный аттенциональный эффект, поскольку предлагает читателям известную фразу Джейн Эйр, сопровождая ее неожиданным комментарием повествователя (предположительно для читателей Грейс Пул):

(1) *READER, I MARRIED HIM. Those are her words for sure. She would have him at the end and place she chose, with every dish on the table to her appetite (RIMH, p. 31).*

Графическое выделение интекста как типа выдвижения становится дополнительным средством привлечения читательского внимания, сочетающимся с использованием стратегии расфокусирования, понимаемой как «распределение фокуса внимания на несколько компонентов ситуации, несколько свойств объекта, образованию множественных фокусов» [Ирисханова, 2014, с. 14]. Расфокусирование повествования осуществляется в сильной позиции начала рассказа за счет игровой смены повествователя: Джейн Эйр больше не повествует свою историю, имевшую счастливый конец, а становится персонажем совсем другого рассказа, причем даже первый абзац свидетельствует об эксплицитно негативном к ней отношении. Ее решимость выйти замуж за Эдварда Рочестера комментируется рассказчиком скорее как свидетельство ее беспощадности и агрессии, что достигается при помощи использования фразеологизма *to have sb (at the end and place) where you want (choose)* в значении «to be in a situation in which you can do what you want to someone or defeat them easily» (MED), который получает метафорическое развитие за счет еще одного образа:

(2) with every dish on the table to her appetite (RIMH, p. 31).

Возникновение у читателей эффекта когнитивного диссонанса связано с явным противоречием между имеющимися представлениями о Джейн и образом властной и манипулятивной особы, «пожирающей» своего избранника. Аттенциональная конвергенция в данном случае способствует установлению контакта с читателями, оказывает прагматическое воздействие, усиливает экспрессивность начального фрагмента и вовлекает читателей в интертекстуальную игру.

Не менее показательной в отношении игры с читательскими ожиданиями и конструирования темы женской идентичности становится концовка рассказа «Reader, She Married Me» С. Викарс:

(3) I have little expectation of this ever being published as I am certain my young wife's account will be. Already she has written to publishers, under the name John Elton. As I have come to see from her history, the force of her conviction is of a metal that no man can easily withstand. For this account I hide behind no pseudonym. Nor do I imagine I have any prospect of being published. It is for poor Bertha's sake, and in memory of little Clara, that I write this down, in order that there be somewhere some truthful record of what they came to mean to me. When I die, I shall entrust the account to my foster child, Adele, along with Clara's coral, which I found so charred in the ashy remains of Thornfield that no one but myself will see what it had once been (RIMH, p. 170).

«Конфигурация гендера», под которой понимается вариация гендерной идентичности, сконструированная автором в образе персонажа литературного произведения [Серова, 2010, с. 127], завершается в сильной позиции концовки рассказа, обладающей явным конвергентным потенциалом и сочетающейся с другим аттенциональным феноменом, – эффектом обманутого ожидания. Печальная история Эдварда Рочестера, оплакивающего Берту и дочь Клару (персонаж, придуманный Викарс), заканчивается выдвиганием в фокус внимания читателей таких характеристик Джейн, как железная воля, амбициозность и безжалостность, разрушающих у читателей конвенциональные ассоциативные связи и в сочетании с избранным Джейн псевдонимом

указывающих на преобладание неких андрогинных и маскулинных характеристик в ее портрете. Одновременно Эдвард с его сентиментальностью, неуверенностью и намеками на опасения за свою жизнь репрезентирует то, что называют «фемининной маскулинностью» [Серова, 2010, с. 127], опрокидывающей гендерные стереотипы читателей.

В рассказе Т. Шевалье «Dorset Gap» образы Эда и Дженн, чьи имена имплицитно отсылают нас к роману Ш. Бронте, репрезентируют ироническую вариацию гендерного конструирования, отражая социокультурную динамику в развитии гендерных стереотипов. Интертекстуальные маркеры выполняют в рассказе текстообразующую, характеризующую, эмотивную и игровую функции:

(4) “What are you reading?”

“*Jane Eyre*. Rereading it, actually.” Ed squinted at the cover. “Bronte,” he read. This rang a bell. He thought hard through his headache, his persistent, low-grade queasiness, his dehydration that the water hadn't fixed. What he dredged up, in a high whiny voice, was this:

Heathcliff,

It's me – Cathy,

Come home.

I'm so co-o-o-old!

Let me in your windo-o-o-ow! (RIMH, p. 175).

Аттенциональная конвергенция реализуется в данном фрагменте за счет комбинирования разноуровневых языковых средств, выступающих ключом для обработки информации. Сочетание интертекстуального включения, выделенного графически, с конвергенцией стилистических приемов (эпифорический повтор, синтаксический параллелизм, перечисление, использование эпитета, графона) фокусируют внимание читателей на характеристике обоих персонажей, противопоставляя их друг другу и иронически обыгрывая возможные ассоциативные связи с романом «Джейн Эйр», что далее подтверждается словами Дженн, выражающей свое отношение к Джейн и Рочестеру:

(5) A governess full of inner strength who marries a completely inappropriate man (RIMH, p. 176).

Выдвижение на первый план эмоционально-оценочного компонента образов персонажей

способствует деавтоматизации восприятия, разрушению конвенциональных ассоциаций, основывающихся на романтизации образа Рочестера у Шарлотты Бронте, и активирует, таким образом, формирование новых семантических признаков, репрезентирующих оппозицию «маскулинность / фемининность». Концовка повествования в данном рассказе интенсифицирует игровую модальность текста, вызывая ироническую улыбку читателей, вспоминая ключевую фразу последней главы:

(6) Ed watched her, thinking maybe he would not follow, but remain at Dorset Gap with its history being written down and kept in a tin box, or in a local farmer's bottom drawer. His simple line, so simple even he could remember it – “Reader, she married me” – had joined all the other lines, banal and profound, at this crossroads (RIMH, p. 182).

Модификация цитаты из романа, помещенной в сильную позицию окончания произведения, вовлекает читателей в игру по декодированию авторской интенции, игру, которая основывается на интертекстуальной компетенции читателей (по У. Эко) и предполагает усиление их когнитивной активности.

Проблема гендерных стереотипов в зеркале теории выдвижения. Симона де Бовуар в ставшей хорошо известной работе «Второй пол» отмечает, что женщиной не рождаются, женщиной становятся (цит. по: [Butler, 1990, p. 9]), настаивая, что гендер – это культурно и социально обусловленный конструкт, что «становление» женщины всегда происходит под давлением социокультурных норм и стереотипов.

Закономерно поэтому утверждение многих теоретиков феминизма о том, что женская идентичность, включая и телесную ее составляющую, должна быть инструментом в достижении свободы, а не объяснением ее подчиненного состояния.

В рассказе О. Ниффенегер «The Orphan Exchange» моделируется футуристический фикциональный мир, в котором Джейн и Эллен попадают в приют для сирот во время мировой войны и становятся близкими подругами. Из приюта время от времени исчезают девушки, которых «обменивают» на что-то. Эллен умирает от таинственной болезни,

а Джейн становится гувернанткой Адель. Развязка вторичной версии, представленной в рассказе, отличается от прецедентного текста, поскольку Джейн по окончании войны и после поступления Адель в университет возвращается в город, где встречает «воскресшую» подругу. Концовка рассказа глубоко символична, отражая исторически изменчивую трактовку женской идентичности:

(7) We had found each other and we stayed together. We got boring jobs, we moved into a tiny flat above a bakery and we made a home together. When it eventually became legal, Reader, I married her. It was enough, it is enough. We walk together in the evenings through the peaceful city, hand in hand, not speaking much, moving slowly, our thoughts drifting until it is time to turn towards home. My Helen. I wouldn't exchange her for anything in the world (RIMH, p. 245).

Аттенциональные эффекты, фокусирующие внимание читателей на репрезентации темы женской идентичности, в данном случае достигаются благодаря конвергенции нескольких типов выдвижения: сильная позиция концовки рассказа сочетается с эффектом обманутого ожидания, основанного на модифицированном употреблении известной цитаты. Прагматический эффект от неожиданной развязки известной любовной истории усиливается при помощи конвергенции стилистических приемов, таких как параллельные конструкции, анафорический повтор, лексический повтор (ключевые слова *enough, together*), аллитерация. Использование сослагательного наклонения в последнем предложении рассказа в сочетании с ключевым для рассказа словом *exchange* (некоторые сироты обрекались на смерть во время войны в обмен на гарантию выживания для остальных) выдвигает в прагматический фокус повествования значимость данного выбора для протагониста рассказа, символизирующего достигнутую Джейн ценой многих жертв свободу в определении своей идентичности.

Разрушение устойчивых концептуальных связей происходит и при восприятии читателями рассказа Дж. Брискоу «To Hold», в которой система средств прагматического фокусирования также включает аттенциональную конвергенцию в качестве способа выдвиже-

ния темы женской идентичности. Рассказ героини о своей судьбе, своих браках, своей женской доле можно рассматривать как убедительную текстовую репрезентацию «гендерной маркированности индивидуального опыта» [Серова, 2010, с. 125]. Повествование представляет собой превосходный пример реализации взаимосвязанных механизмов фокусирования и дефокусирования внимания, под которыми О.К. Ирисханова понимает «повышение и понижение степени выделенности тех или иных аспектов референтной ситуации или объекта, осуществляемое в тексте с помощью определенных языковых средств» [Ирисханова, 2013, с. 18].

Помещая в сильную позицию начала рассказа цитату из романа Ш. Бронте, Дж. Брискоу трансформирует ее, выводя из фокуса читательского внимания такие важные составляющие интертекстуального знания читателей, как счастливая развязка романтической истории любви, и создает диссонантную когнитивную ситуацию – часть интерпретационной программы своего текста:

(8) READER, I MARRIED HIM because I had to. You see, we did in those days. There was no glimmer of a choice (RIMH, p. 55).

Введение придаточного предложения с модальным глаголом *had to*, выражающим долженствование по необходимости, перераспределяет внимание читателей, предлагая им множество иных, чем романтическая привязанность и счастье, причин для замужества женщин. Неопределенность моделируемого в рассказе временного периода (*those days*) и прямое обращение к читателям активируют традиционные ассоциативные связи, опирающиеся на социокультурный опыт читателей, а достаточно драматическая тональность повествования усиливается при помощи неканонического использования преобразованного фразеологизма *glimmer of a choice*, вводящего тему отсутствия выбора в жизни женщин.

Характерным примером аттенциональной конвергенции, реализуемой в данном тексте, является сочетание интертекстуального маркера и сцепления, базирующегося на параллелизме как одном из основополагающих принципов выдвижения [Douthwaite, 2014, p. 96].

(9) Reader, I married him because I liked him. I did not desire him (RIMH, p. 60);

(10) Reader I married, married, married him (RIMH, p. 63).

Дж. Брискоу привлекает внимание читателей к различным этапам жизни персонажа и ее трем бракам, используя аттенциональную конвергенцию и одновременно применяя механизм дефокусирования внимания, поскольку ее героиня, повествуя о своей жизни, не упоминает вплоть до самой развязки своей истории трагические обстоятельства своей юности, вынудившие ее выйти замуж в первый раз:

(11) “Happy, my dear?” I said, his own long-ago words slipping on the air as it chilled. Sheep’s breath was loud beside us. His voice was a dying bittern in the mud. The sky darkened, his skin the colour of where he lay beneath me.

We two curled together on our marriage bed, my husband growing cold as the wind gathered and the cows nodded unseeingly. Reader, I married him (RIMH, p. 66).

Благодаря механизму дефокусирования внимания, искусно использованному Дж. Брискоу в своем повествовании, героиня предстает перед читателями как ненадежный повествователь, не упомянувший в начале своей истории об истинной причине своей изломанной судьбы – насилии, совершенном над ней в ранней юности. Концовка рассказа, выстраиваемая при помощи аттенциональной конвергенции, оказывает сильнейшее прагматическое воздействие на читателей в виду использования автором механизма обманутого ожидания в сочетании с интертекстуальным включением *Reader, I married him* в абсолютном окончании повествования, выдвигающем в фокус внимания рамочность композиции. Поистине трагический финал – смерть насильника на импровизированном брачном ложе, где когда-то героиня пала жертвой его сластолюбия, способствует формированию новых ассоциативных связей при восприятии текста, в котором моделируется архетип мужчины-хищника, скрывающегося под маской respectable члена общества (см. подробно об этом: [Чемодурова, 2019б]). Образ героини также призван разрушить «гендерные стереотипы, регулирующие поведение женщин и мужчин и рассматриваемые как некие обобщен-

ные модели знания о гендерных ролях, нормах, гендерно обусловленном поведении» [Серова, 2010, с. 125]. Такие ее качества, как сила воли, коварство, хладнокровие и жажда мести, обнажают маскулинные черты в характере героини, предлагая читателям образ «новой женщины».

Рассказ «The Mirror», написанный Ф. Проуз, предлагает читателям повествование от первого лица, в котором Джейн рассказывает о своей жизни после свадьбы. Усиливая готические элементы сюжета Ш. Бронте в своем метафигиональном повествовании (см. об этом: [Чемодурова, 2013]), автор представляет Эдварда Рочестера как безжалостного и коварного соблазителя, как некий вариант Синей Бороды, который пытается свести с ума теперь уже Джейн, свою новую жену, и запереть ее на чердаке:

(12) Ultimately, I couldn't understand why my husband would want the mother of his son to have the reputation of being mentally ill. Unless this was part of an evil pattern, an elaborate psychosexual drama that my husband was playing out. Marry someone, drive her mad, burn the house down, marry someone else. Repeat. An alarming prospect, but what could I do? Reader, I married him (RIMH, p. 115).

Механизм аттенциональной конвергенции, реализуемой в данном случае при сочетании интертекстуального включения *Reader, I married him* и кластера стилистических приемов (параллельных конструкций, вводимых при помощи асиндетона, аллитерации), выдвигает в фокус читательского внимания детали моделирования образа маньяка:

(13) Marry someone, drive her mad, burn the house down, marry someone else. Repeat (RIMH, p. 115).

При этом разрываются привычные ассоциативные связи и создается эффект когнитивного диссонанса. Данный механизм формальной текстовой организации способствует фокусированию внимания на современной иронически-игровой трактовке гендерно обусловленного поведения Рочестера.

Метафигиональные элементы повествования, такие как развернутые обращения к читателям и ироническая отсылка к тексту Ш. Бронте:

(14) If you're wondering why I did [marry him], possibly you are forgetting what he said to me in Chapter 27, the speech that goes on for pages and pages (RIMH, p. 111).

интенсифицируют когнитивную активность читателей, вовлекая их в рефлексивную игру и в то же время привлекая их внимание к репрезентируемой в рассказе извечной оппозиции «маскулинность / фемининность», как в зеркале (*mirror* – ключевое слово, используемое в заглавии рассказа) отражающейся в повествовании при помощи социокультурных реалий уже XXI века.

Заключение

Представленные в статье результаты исследования свидетельствуют об актуальности дальнейшего изучения различных способов прагматического фокусирования и доказывают правомерность рассмотрения механизма аттенциональной конвергенции в качестве одного из типов выдвижения. Аттенциональная конвергенция как способ создания особой выделенности определенного текстового фрагмента реализуется благодаря сочетанию нескольких механизмов выдвижения, обладающих конвергентным потенциалом и усиливающих когнитивную активность читателей. В статье проанализирован комбинаторный аттенциональный эффект, созданный при помощи использования в сильной текстовой позиции интертекстуальных включений, реализации эффекта обманутого ожидания, конвергенции стилистических приемов, сцепления. Актуализация стратегии расфокусирования, одновременное сочетание фокусирования и дефокусирования внимания при построении повествования приводят к усилению прагматического воздействия на читателей, обостряя их рефлексивно-игровую активность. Анализ выбранных в качестве материала исследования рассказов современных авторов продемонстрировал, что в образах персонажей, так или иначе соотнесенных с романом Ш. Бронте «Джейн Эйр», читателям предлагается репрезентация некоего конструкта гендера, представляющего собой модель знаний о гендерных ролях, нормах поведения, стереотипах. Современные авторы-женщины, отдавая дань наследию Ш. Бронте и образу Джейн Эйр как

прототипу «новой женщины», играют с ожиданиями читателей, часто разрушая привычные концептуальные связи и создавая эффект когнитивного диссонанса, представляющий собой ингерентную часть интерпретационных программ, моделируемых в современных художественных текстах. Механизм аттенциональной конвергенции способствует актуализации диссонантных ситуаций при восприятии художественных текстов, фокусируя внимание читателей на тематически и композиционно значимых фрагментах повествования. Перспективность дальнейшего изучения данного механизма обусловлена также его несомненной значимостью для усиления экспрессивности повествования и выражения авторской модальности художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 444 с.
- Афанасьев А. С., 2019. Культурные архетипы женской субъективности в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Филология и культура. № 4 (58). С. 159–164. DOI: <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-58-4-159-164>.
- Богоявленская Ю. В., Чудинов А. П., 2014. Взаимодействие парцелляции и метафоры как средств аттенционального фокусирования в художественном и публицистическом дискурсах // Язык и культура. № 41. С. 24–39.
- Воробьева С. Ю., 2015. Дискурсивные маркеры феминной субъективности (на материале современной женской прозы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (29). С. 159–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.20>.
- Ирисханова О. К., 2013. О распределении внимания в нарративных текстах: анализ рассказа Дж. Апдайк «Daughter, Last Glimpses of» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 17 (677). С. 18–36.
- Ирисханова О. К., 2014. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Яз. слав. культуры. 320 с.
- Лузина Л. Г., 1996. Выдвижение // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 21–22.
- Семенец А. В., 2019. Женское время: авторская концепция темпоральности в романах А. Картер // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. № 2. С. 210–217.
- Серова И. Г., 2010. Конструирование гендера в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» // Studia Linguistica. № XIX. С. 125–134.
- Талми Л., 2006. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 22–44.
- Устинова Т. В., 2015. Лингвокогнитивные особенности восприятия остранения в поэтической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (52), ч. 2. С. 163–167.
- Фестингер Л., 1999. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента. 320 с.
- Чемодурова З. М., 2013. Рефлексивная авторская игра в метапрозе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 7, № 2. С. 160–171.
- Чемодурова З. М., 2019а. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-2-55-64>.
- Чемодурова З. М., 2019б. Механизмы прагматического фокусирования в современных англоязычных версиях «канонического» сюжета о Синей Бороде // Научный диалог. № 11. С. 100–113. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-100-113>.
- Шкловский В. Б., 1990. Гамбургский счет. М. : Сов. писатель. С. 58–72.
- Allen G., 2006. Intertextuality. The New Critical Idiom. L. ; N. Y. : Routledge. 249 p.
- Butler J., 1990. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. L. ; N. Y. : Routledge. 172 p.
- Childs P., Fowler R., 2005. The Routledge Dictionary of Literary Terms. N. Y. : Routledge, 258 p.
- Cuddon J. A., 1998. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. L. : Penguin Books. 991 p.
- Douthwaite J., 2014. The Power of Parallelism // Quaderni Di Palazzo Serra. № 26. P. 93–128.
- Fallon C., 2016. “Reader, I Married Him”: The Unfeminist Reason We Love Charlotte Bronte. URL: <https://www.huffpost.com> (дата обращения: 21.11.2019).
- Gambino R., Pulvirenti G., 2019. Neurohermeneutics. A Transdisciplinary Approach to Literature // Gestalt Theory. Vol. 41, № 2. P. 185–200. DOI: <https://doi.org/10.2478/gth-2019-0018>.
- Havranek B., 1964. The Fuctional Differentiation of the Standard Language // A Prague School Reader of Esthetics, Literary Structure, and Style. Washington : Georgerown Un. Press. P. 3–17.
- Miall D., Kuiken D., 1994. Foregrounding, Defamiliarization, and Affect: Response to Literary Stories // Poetics. № 22. P. 389–407.

- Mukarovsky J., 1964. Standard Language and Poetic Language. A Prague School Reader of Esthetics, Literary Structure, and Style. Washington : Georgerown Un. Press. P. 17–31.
- Panagiotidou M.-E., 2012. Intertextuality and Literary Reading: a Cognitive Poetic Approach : PhD Thesis. University of Nottingham. 334 p. URL: <https://eprints.nottingham.ac.uk/14310/1/580156.pdf>.
- Riffaterre M., 1959. Criteria for Style Analysis // WORD. Vol. 15, iss. 1. P. 154–174. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1959.11659690>.
- Stockwell P., 2013. The Positioned Reader // Language and Literature. № 22 (3). P. 263–277. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963947013489243>.

ИСТОЧНИКИ

- JE* – Bronte Charlotte. Jane Eyre. L. : Penguin Random House UK, 2006. 624 p.
- MED* – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Macmillan Education, 2005. 1692 p.
- RIMH* – Reader, I Married Him. Stories Inspired by Jane Eyre / ed. by T. Chevalier. L. : The Borough Press, 2017. 307 p.

REFERENCES

- Arnold I.V., 1999. *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost: sb. st.* [Semantics. Stylistics. Intertextuality. Collected Article]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 444 p.
- Afanasyev A.S., 2019. Kulturnye arkhetypy zhenskoy subyektivnosti v romane L. Ulitskoy «Medeya i ee deti» [Cultural Archetypes of Female Subjectivity in the Novel “Medea and Her Children” by Ludmila Ulitskaya]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 4 (58), pp. 159-164. DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-159-164.
- Bogoyavlenskaya Yu.V., Chudinov A.P., 2014. Vzaimodeystvie partsellyatsii i metafory kak sredstv attentsialnogo fokusirovaniya v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskursakh [Convergence of Parceling and Metaphor as Means of Focusing in Literary and Media Discourses]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 41, pp. 24-39.
- Vorobyeva S.Yu., 2015. Diskursivnye markery feminnoy subyektivnosti (na materiale sovremennoy zhenskoy prozy) [Discursive Markers of Female Consciousness (Based on Modern Women’s Prose)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (29), pp. 159-170. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.20>.
- Iriskhanova O. K., 2013. O raspredelenii vnimaniya v narrativnykh tekstakh: analiz rasskaza Dzh. Apdayka «Daughter, Last Glimpses of» [Attention Spreading in Narrative Texts: J. Updike’s Novel “Daughter, Last Glimpses Of”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 17 (677), pp. 18-36.
- Iriskhanova O.K., 2014. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus Games in the Language. Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 320 p.
- Luzina L.G., 1996. Vydvizhenie [Foregrounding]. Kubryakova E.S., ed. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Izd-vo MGU im. M.V. Lomonosova, pp. 21-22.
- Semenets A.V., 2019. Zhenskoe vremya: avtorskaya kontseptsiya temporalnosti v romanakh A. Karter [Women’s Time: The Author’s Concept of Temporality in A. Carter’s Novels]. *Vestnik Nizhnegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Filologia*. [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 2, pp. 210-217.
- Serova I.G., 2010. Konstruirovaniye gendera v romane M. Mitchell «Unesennyye vetrom» [Construction of Gender in the Novel “Gone with the Wind”]. *Studia Linguistica*, no. XIX, pp. 125-134.
- Talmi L., 2006. Fenomeny vnimaniya [Time Phenomena]. *Voprosy kognitivnoy linguistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 22-44.
- Ustinova T.V., 2015. Lingvokognitivnye osobennosti vospriyatiya ostraneniya v poeticheskoy rechi [Linguocognitive Peculiarities of the Perception of Defamiliarization in the Poetic Speech]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 10 (52), part 2, pp. 163-167.
- Festinger L., 1999. *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Cognitive Dissonance Theory]. Saint Petersburg, Yuventa Publ. 320 p.
- Chemodurova Z.M., 2013. Refleksivnaya avtorskaya igra v metaproze [The Authorial Reflexive Play in Metafiction]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], vol. 7, no. 2, pp. 160-171.
- Chemodurova Z.M., 2019a. Kognitivnyy dissonans kak komponent interpretatsionnoy programmy

- postmodernistskogo khudozhestvennogo teksta [Cognitive Dissonance as a Component of the Interpretational Programme in Postmodernist Fiction]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 55-64. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-2-55-64>.
- Chemodurova Z.M., 2019b. Mekhanizmy pragmaticheskogo fokusirovaniya v sovremennykh angloyazychnykh versiyakh «kanonicheskogo» syuzheta o Siney Borode [Mechanisms of Pragmatic Focusing in Modern English-Language Versions of the “Canonical” Plot of the Blue Beard]. *Nauchnyy vialog* [Scientific Dialogue], pp. 100-113. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-100-113>.
- Shklovskiy V.B., 1990. *Gamburgskiy schet* [The Hamburg Score]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., pp. 58-72.
- Allen G., 2006. *Intertextuality. The New Critical Idiom*. London, New York, Routledge. 249 p.
- Butler J., 1990. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. London, New York, Routledge. 172 p.
- Childs P., Fowler R., 2005. *The Routledge Dictionary of Literary Terms*. New York, Routledge. 258 p.
- Cuddon J.A., 1998. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. London, Penguin Books. 991 p.
- Douthwaite J., 2014. The Power of Parallelism. *Quaderni Di Palazzo Serra*, no. 26, pp. 93-128.
- Fallon C., 2016. “Reader, I Married Him”: The Unfeminist Reason We Love Charlotte Bronte. URL: <https://www.huffpost.com> (accessed 21 November 2019).
- Gambino R., Pulvirenti G., 2019. Neurohermeneutics. A Transdisciplinary Approach to Literature. *Gestalt Theory*, vol. 41, no. 2, pp. 185-200. DOI: 10.2478/gth-2019-0018.
- Havranek B., 1964. *The Fuctional Differentiation of the Standard Language. A Prague School Reader of Esthetics, Literary Structure, and Style*. Washington, Georgerown Un. Press, pp. 3-17.
- Miall D., Kuiken D., 1994. Foregrounding, Defamiliarization, and Affect: Response to Literary Stories. *Poetics*, no. 22, pp. 389-407.
- Mukarovskiy J., 1964. *Standard Language and Poetic Language. A Prague School Reader of Esthetics, Literary Structure, and Style*. Washington, Georgerown Un. Press, pp. 17-31.
- Panagiotidou M.-E., 2012. *Intertextuality and Literary Reading: A Cognitive Poetic Approach. PhD Thesis*. University of Nottingham. 334 p. URL: <http://eprints.nottingham.ac.uk/14310/1/580156.pdf>.
- Riffaterre M., 1959. Criteria for Style Analysis. *WORD*, vol. 15, iss. 1, pp. 154-174. DOI: 10.1080/00437956.1959.11659690.
- Stockwell P., 2013. The Positioned Reader. *Language and Literature*, no. 22 (3), pp. 263-277. DOI: 10.1177/0963947013489243.

SOURCES

- Bronte Charlotte. *Jane Eyre*. London, Penguin Random House UK, 2006. 624 p.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford, Macmillan Education, 2005. 1692 p.
- Chevalier T., ed. *Reader, I Married Him. Stories Inspired by Jane Eyre*. London, The Borough Press, 2017. 307 p.

Information About the Author

Zinaida M. Chemodurova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English and Cultural Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, Zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>

Информация об авторе

Зинаида Марковна Чемодурова, доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, Zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>